

Тиор и Лилиан вышли на улицу и неспешно побрели прочь от гравийной дорожки, по траве, мимо шелестящих листьями деревьев. Громада дома оставалась за их спинами уютной нерушимой стеной.

Лилиан шла все еще немного ошарашенная, взгляд ее блуждал по сторонам, брови периодически хмурились. Тиор наблюдал за ней со смесью любопытства и настороженности: он знал, что чары Признания действовали грубо, сметая все заслоны сознания, и чтобы отойти от их воздействия, требовалось время, порой несколько дней. Он был уверен, что сделал все правильно: назвал имя ее истинной природы в их родовом доме, являясь ближайшим родственником, однако все равно не мог не волноваться за душевное состояние девочки.

Лилиан, не изменившая внешне, все же стала восприниматься иначе, как будто вдруг повзрослела на пару лет, и весь облик ее — щуплая фигурка с кривоватыми косичками — внезапно стал более *знакомым*. Чары работали в обе стороны, и как для Лилиан Тиор перестал казаться чужим, так и для него самого эта девочка уже не была незнакомкой.

Тиор молчал, не желая нагружать ее новой информацией и давая время отдышаться и прийти в себя.

Лилиан шла по земле и, казалось, едва касалась ее ногами. Взгляд стал чуть серьезнее, чуть тяжелее, движения — размереннее. Произошедшая в ней духовная перемена наполняла ее ощущением невероятной легкости, будто достаточно было подпрыгнуть, чтобы зависнуть в воздухе. Она смотрела на лес вокруг и удивлялась тому, как много звуков его наполняет, как бурлит в нем жизнь во всех своих проявлениях. Она каким-то образом понимала, как растет трава и как закрываются на ночь цветы, чувствовала, что там, за раскидистой сосной, притаился заяц, и понимала, почему он мешкает и не бежит

вперед. Она *слышала* мир вокруг, и под каждым ее шагом будто отдавалось биение его пульса.

Утренний воздух еще хранил свежесть ночи, несмотря на теплые солнечные лучи, и она с наслаждением вдыхала его, чувствуя концентрированную сладость цветочных ароматов.

Голова еще немного кружилась, а ноги казались чуть ватными, поэтому Лилиан обрадовалась, когда они вышли на небольшую полянку и дед жестом предложил ей сесть на поваленное дерево. Шелест листвы действовал успокаивающе, пробивающееся через нее солнце ложилось на руки золотыми полосами. Ветер чуть шевелил ее волосы, принося запахи свежести и сырости...

Лилиан вздрогнула. Тот запах. Запах, который впился в ее мозг, вонзился в память. Дождь и соль. Он что-то значил для нее, что-то непонятное, неопознаваемое...

Тиор, внимательно наблюдавший за Лилиан, заметил перемену в ее лице и кивнул.

— Сейчас послушай меня внимательно, девочка. — Он сложил руки за спиной и шагнул вперед, на его серьезное лицо легла тень от деревьев. — Наш мир — мир, к которому ты теперь принадлежишь, — жесток. Он меряет по внешнему виду, по физическим качествам. Твоя невозможность говорить, — Тиор увидел, как Лилиан насупилась, вновь превращаясь в обычного ребенка, как дрогнула ее нижняя губа, — не самая наша большая проблема. К тому же она частично исправима.

Лилиан вскинула на него глаза, в которых качнулась отчаянная надежда. Где-то неподалеку защелкала какая-то птица, подчеркивая воцарившуюся на мгновение тишину.

— Дело не в том, что ты не можешь говорить, — продолжал Тиор, скрепя сердце и стараясь не думать о том, какую боль ей приносят его слова, — а в том, что ты не можешь *общаться*. И вот это я в силах изменить. Ты в силах.

Лилиан склонила голову, на лице ее появилось пренебрежительное выражение.

— Я знаю, что люди придумали язык жестов. — Тиор качнул головой. — Все это глупости, это не для таких, как мы.

На ее лице вновь проступило осторожное любопытство. Подождав несколько секунд, Тиор аккуратно, словно новорожденного птенца, *коснулся* ее сознания. Он ничего не говорил, боясь, что его вмешательство покажется ей грубым, и лишь отправил мягкий импульс тепла.

Девочка подскочила на стволе дерева и воззрилась на деда широко распахнувшимися глазами. Тиор позволил себе улыбнуться. Он знал, что Признание усилит ее доверие к нему, поможет принять то, о чем он будет говорить, на веру, что их родство и его главенство в Доме подействуют на нее, но видеть такую искреннюю реакцию было все же намного приятнее, чем отмечать действие чар.

Тиор отправил ей легкое *понятие* симпатии — физически это было бы равнозначно тому, если бы он приобнял ее за плечи, — и с отрицаемым удовлетворением заметил, как чуть порозовели ее щеки, как блеснули мимолетной радостью глаза.

— Это *таэбу*, — проговорил он вслух, не желая перенапрягать ее восприятие, — мысленная речь. Способ общаться с помощью своих мыслей и чувств, а не вслух. В некотором роде похоже на то, что люди называют телепатией. То, что ты ощутила сейчас, — эмоциональный импульс, самый простой и легкий вариант общения. В некотором роде можно сказать, что люди тоже пользуются им, когда смотрят на кого-то с теплом или улыбкой.

Лилиан кивнула. На мгновение ее лицо стало серьезным, руки сжались в кулаки, и Тиор с удивлением ощутил некое ответное воздействие. Но если его импульс был мягким прикосновением, то ее — грубым тычком. И все же у нее получилось.

— Не торопись пытаться, — улыбнулся Тиор, — у тебя будет время научиться. Главное, что таким образом можно передавать не только эмоции, но и слова, и даже целые образы.

От удивления Лилиан приоткрыла рот. Тиор мог лишь догадываться, насколько тяжело ребенку жилось с усеченной, односторонней формой общения. Да, она могла написать что-то, чтобы конкретно выразить свои мысли, но слова на бумаге никогда не передадут всю гамму эмоций и тонкости интонаций. Сейчас же перед Лилиан забрезжила надежда впервые в жизни быть до конца, полностью понятой.

Из-за спины Лилиан появилась бабочка и, ненадолго зависнув в воздухе, аккуратно села ей на рукав. Девочка наклонила голову, рассматривая ее, — в Тиора глухим ударом стукнулось наслаждение красотой момента. До этого он неплохо чувствовал перемены в ее настроении, что позволяло ему верно толковать ее невысказанные вопросы, но сейчас, после действия чар, она стала словно открытая книга, словно кран, из которого била вода, — вся на поверхности.

Тиор вздохнул, сделал несколько неслышных шагов, подходя вплотную к Лилиан, и медленно опустился перед ней на корточки. Девочка, все еще рассеянная после примененных чар, вздрогнула от неожиданности.

— Лилиан, — Тиор заглянул в ее лицо. Разноцветные глаза широко распахнуты, в них надежда смешалась с детским восторгом, и разумное доверие уступило безрассудной доверчивости, — наш мир жесток. Он намного больше, чем тебе сейчас кажется. Когда-нибудь я расскажу и покажу тебе все, что знаю сам. Тебе многое пришлось пережить, но впредь будет еще больше. Будет тяжело, трудно, страшно, и, возможно, однажды тебе захочется все бросить. — Он с тяжелым сердцем смотрел, как искры радости тухнут в ее

взгляде, уступая место настороженности. Хорошо. Настороженность ей пригодится. Хеску взрослеют быстро. — Но я знаю, что ты достаточно сильная, чтобы прогнуть этот мир под себя, сломав ему хребет. И я помогу тебе это сделать. Но ты должна меня слушаться — беспрекословно. Ты согласна?

Лилиан медленно кивнула, а затем Тиор почувствовал отдаленное эхо неуклюжего согласия.

Они провели в парке еще пару часов, пока Тиор осторожно, постепенно объяснял и показывал Лилиан, как действует таэбу. Хеску были тесно связаны с природой, и он справедливо полагал, что среди деревьев девочке будет легче расслабиться и воспринять его послания.

Их народ использовал таэбу еще до того, как начинал разговаривать вслух, — так матери успокаивали плачущих детей, давая понять, что они рядом; так же, ориентируясь на спутанные комки импульсов, разбирались, что беспокоит их детенышей. Для хеску таэбу было естественно, как прикосновение, хоть все и владели им в разной степени. Импульсы передавались интуитивно, но более сложные конструкции требовали концентрации и усилий, так что, взрослея, большинство хеску отдавало предпочтение обычной речи. Тиор свободно использовал таэбу, а слуги в доме ограничивались передачей импульсов, больше полагаясь на звучащие слова.

Лилиан возможность наконец быть *понятой* ошеломила, и он надеялся, что она приложит все усилия, чтобы освоить таэбу как можно быстрее и полнее, — им *необходимо* было полноценно общаться.

Солнце встало в небе высоко, сделав тени короткими, и начало припекать, когда Тиор настоял на том, что на сегодня практики довольно. «Можешь вечером попрактиковаться на слугах», — улыбнулся он, и Лилиан показалось, что глаза его озорно блеснули.

Они медленно, куда медленнее, чем утром, двинулись обратно, в сторону дома, и, хотя Лилиан чувствовала себя выжатой, это было приятное опустошение — такое бывает после изнурительной тренировки или хорошо сделанной работы. Она шла вперед, сложив руки за спиной, чиркая ботинками по траве, и Тиор отчетливо ощущал разлившиеся у нее внутри тепло и умиротворение. На ее губах блуждала смутная улыбка, которой она сама, кажется, даже не замечала.

Они молчали, но Тиор краем глаза наблюдал за ней — ему было интересно, какой девочка станет теперь, когда Признание сняло с нее оковы условности человеческого существования и распахнуло сознание для нового. Он слышал, что полукровки порой менялись достаточно сильно, будто чары не просто обостряли в них существующие черты характера и пробуждали память крови, но и сметали негативный опыт прожитых лет, делая смелее и решительнее.

Впрочем, говорить о чем-то с уверенностью было нельзя: слишком мало примеров набралось даже в истории такого древнего народа, как хеску. Дети от смешанных связей встречались, хоть и редко, а полукровки появлялись и вовсе раз в несколько веков — слишком непредсказуемо было сочетание условий, позволяющих крови хеску не раствориться в человеческой, а дополнить ее.

Тиор всем сердцем надеялся, что истинная Лилиан именно такая, какой она показалась ему при первом знакомстве: слабой не из-за характера, но из-за навязанных условностей мира, в котором жила. Он понимал, что, родись она в Мараке, даже при условии немоты, уже была бы другой, потому что никто и никогда не сказал бы ей, что она слаба или ущербна. Но если орлу с рождения говорить, что он курица, он будет всю жизнь кудахтать.

Когда они подошли к замку, Лилиан, уже протянувшая руку к кольцу на двери, остановилась и закинула голову,

прикрыв глаза от солнца. Раскаленный диск выглядел из-за одной из башен, превращая ее в черный силуэт, но его лучи скользили по крыше и фасаду здания, подчеркивая его очертания. Разглядывая дом, Лилиан вдруг осознала, что черный замок отнюдь не кажется ей мрачным, а, наоборот, уже воспринимается как *дом*. Она коснулась взглядом гаргулий — их угрожающий вид, оскал демонических морд не казался направленным на нее, нет, они теперь делились ей стражами, скалящимися на неведомого врага и готовыми растерзать его, чтобы защитить ее жизнь. Изображение ворона над дверью, торжественное и детальное, наполняло ее сердце неведомым восторгом.

Лилиан недоуменно нахмурилась, увидев фиолетовый орнамент, оплетший черные стены дома и кокетливо завивающийся у окон: в нем отсутствовала явная тема, это, скорее, был узор из линий, завитков и точек, не несущий определенного смысла, а призванный лишь украсить здание. Оглянувшись на Тиора — тот делано недоуменно пожал плечами, — Лилиан вновь обернулась к дому, который, подумалось ей, будто пытался *прихорошиться*.

Она улыбнулась и, протянув руку, чтобы толкнуть дверь, неумовимым движением погладила дверное кольцо и голову держащего его ворона.

Библиотека вновь приняла их в свои стены — эта комната успела полюбовиться Лилиан, и она чувствовала себя здесь спокойно и уютно. Сейчас она показалась ей чуточку просторнее и чуточку светлее, чем прежде. Лилиан почти не сомневалась, что еще несколько часов назад, когда она завтракала здесь, пол был каменным — теперь же под ногами лежал теплый темный паркет. Книжных шкафов не стало меньше — они так же стояли плотным лабиринтом деревянных стен, — но они как будто стали светлее, и в их хаотичной расстановке Лилиан теперь все же виделась какая-то схема.

Она прошла вперед и устало опустилась на скамью (на которой, как и на стуле Тиора, появились войлочные подстилки), оглянувшись на деда, отдававшего слугам распоряжения. Через минуту он присоединился к ней и, едва заметно вскинув брови, провел смуглым пальцем по углу стола — тот избавился от острой вершины, заменив ее закругленным краем.

Лилиан заметила удивление деда и вопросительно посмотрела на него. Тиор вздохнул.

— Тебе может казаться, что жизнь остановилась, но время неумолимо движется, — пробормотал он, словно разговаривая сам с собой. Облокотился на подлокотник своего напоминающего трон стула и поправил полу камзола, обнажая черный с фиолетовой вышивкой жилет, на котором блеснула золотая цепочка карманных часов. — Все то, что для меня — реалии жизни и моего мира, для тебя — ново и необъяснимо. Наверное, ты чувствовала бы себя так же, если бы тебе пришлось объяснять кому-то, что такое... — он на мгновение замаялся, воскрешая в памяти основы человеческого мира, — автобус или телефон. Метро. Бензин.

Лилиан коротко хмыкнула. Затуманенность сознания отступила, и к ней постепенно возвращалась и глухая боль утраты, и усталость от пережитого.

— Сейчас в моей голове кружится огромное количество фактов, которые нужно сообщить тебе. То, без чего ты не поймешь, как устроен наш мир, — теперь, думаю, я могу говорить *наш*, а не *мой*. — Лилиан кивнула, с удивлением ощущая, как в сердце разгорается пламя радости от причастности к чему-то огромному, пусть и неведомому. — Прошу тебя, не стесняйся спрашивать. Все что угодно, что удивит тебя или поставит в тупик. Позже, когда освоишь таэбу, ты сможешь спрашивать обо всем и слуг, они с радостью ответят тебе на все вопросы. Поверь, в этом доме

давно не было ребенка, и они все искренне рады твоему появлению. Всё здесь радо.

Поймав ее удивленный взгляд на последней фразе, Тиор кивнул сам себе и продолжил:

— Думаю, стоит начать с дома. Марак... — Он задумался. — Марак — это место, где мы живем. Это не название самого поместья, не название территории у замка и не сам замок. Это все, — он развел руки в стороны, будто пытаясь охватить все пространство, — и есть Марак. Дом не может существовать без леса перед ним, и лес не может существовать без дома. Или без нас, тех, кто живет в нем. Лес, замок и живущие в нем — единое целое, как кровь, кости и кожа в целом являются человеком. Марак — как человек. Понимаешь?

Лилиан, на мгновение задумавшись, кивнула. Тиор мысленно возблагодарил Признание, упростившее понимание. На самом деле Лилиан сейчас слушала его не ушами и понимала не разумом, так же как и сам он не просто произносил слова, а каждое из них подкреплял короткими образами таэбу, проникающими прямо в сознание девочки.

— Ты заметила, что я удивился переменам в этой комнате, — продолжил Тиор, когда слуга в черной форме с фиолетовым ромбом на груди, такой же черноволосый, как все здесь, принес поднос с кувшином и тарелкой сладостей и с поклоном удалился. Лилиан подождала, пока дед разольет по пиалам пину, и с настороженным любопытством воззрилась на угощение: ярко-оранжевые полумесяцы, выложенные щедрой горкой.

— Это *мимáды*. — Тиор подтолкнул к ней тарелку. — Бери, я уверен, тебе понравится. В детстве я их просто обожал.

Лилиан потянулась к одному полумесяцу и чуть сжала его. На ощупь он оказался упругим, но податливым, как зефир, а на вкус таким сладким, что она зажмурилась, но тут же потянулась за следующим. Тиор улыбнулся.

— Марак *живой*. Это место нерушимо связано с нами, и заметнее всего это в доме. Он реагирует на то, что происходит с живущими в нем, на их настроение, на их количество. Вчера, когда ты только приехала, дом был абсолютно черным. — Тиор замолчал, взгляд его больших глаз сделался печальным. — Таким он стал, когда погиб мой сын, Лимар.

Лилиан, с трудом сглотнув, кивнула с серьезным лицом. Она потянулась было, чтобы дотронуться до руки Тиора, желая выразить свое сожаление и поддержку, но не решилась: несмотря на родство и все события этих суток, они были знакомы всего один день. Однако ее порыв трансформировался в ощутимый импульс — мягкую волну тепла, — и оба почувствовали это. Тиор через силу улыбнулся.

— Я рад, что ты здесь. — Он вздохнул и продолжил: — Дом реагирует в первую очередь на меня, потому что я глава этой семьи, но серьезные изменения отражаются на нем и без моего участия. Дом меняется со временем, откликаясь не только на настроение главы семьи — патриарха, — но и на внешние события, на состояние клана. В моем детстве он был несколько другим и со временем может измениться еще больше. Как видишь, эта комната стала светлее, а ее обстановка — мягче. Так дом реагирует на твое появление. И да, ты правильно заметила, что рисунка на стенах вчера не было, он появился за эту ночь, что ты провела здесь. Дом видит тебя.

Лилиан хмыкнула и опустила взгляд на пиалу, пряча смятение. Конечно, родители любили ее, но, как она теперь понимала, мать постоянно жила с оглядкой на свое прошлое, отгораживаясь от людей и чего-то опасаясь. При всей любви к дочери, она просто не могла отдать ей все свое тепло, посвятить себя полностью, и сейчас осознание, что не один человек, а целое *место* так радо самому факту ее существования, наполнило Лилиан простой радостью. Ощущение

одинокости, еще вчера казавшегося неизбежным, стремительно схлынуло. Лилиан усилием воли прогнала подступающие слезы облегчения.

— Такие места, как Марак, называют твердынями, всего их двенадцать. — Заметив удивление в разноцветных глазах Лилиан, Тиор коротко вздохнул, осознавая всю необъятность того, что ему предстоит объяснить. — Наверное, теперь стоит рассказать о нас самих, так тебе будет понятнее...

Лилиан скептически выгнула бровь, отправляя в рот очередной оранжевый полумесяц.

— Мы хеску, — продолжил Тиор, сложив кончики пальцев и задумчиво глядя поверх них на внучку. — Это другая форма жизни. Есть растения, есть животные, есть люди. А есть мы. Мы в некотором смысле дыхание природы, обретшее физическую форму. Даже две формы.

Лилиан, как раз сделавшая большой глоток пины, поперхнулась и воззрилась на деда округлившимися глазами. Тиор улыбнулся кончиками губ.

— Да, я не сказал тебе самого главного. Мы — единение двух сущностей, воплощение идеального баланса человеческого и животного. Мы награждены великим даром — второй формой, *истинным обликом*. Мы двусущные, Лилиан. Мы можем выглядеть как люди — как сейчас мы с тобой и все, кого ты видишь в этом доме, — а можем выглядеть и *являться* кем-то из наших бессловесных братьев.

Лилиан с трудом сглотнула и с грохотом поставила на стол пиалу. Волна удивления ударила в Тиора железной крошкой и отступила. Пару мгновений девочка сидела не шевелясь, глядя на Тиора и ожидая, что он сейчас рассмеется и скажет, что это была шутка, но где-то внутри нее уже появилась и укрепилась уверенность: это правда, какой бы немыслимой она ни казалась.

Лилиан втянула воздух через нос и выдохнула через рот, нервным движением заправив за ухо выбившуюся из косы

прядь. Затем моргнула и медленно, с постепенно накачивающим пониманием кивнула, словно говоря, что принимает этот постулат. Ее человеческое сознание пыталось сопротивляться, но сознание хеску, разбуженное чарами Признания, победило.

— Мы можем быть животными. Зверями или птицами, — продолжил Тиор, напряженно следивший за Лилиан все это время и теперь с облегчением понявший, что самое трудное позади. — Нас двенадцать кланов — по различию истинного облика. Важно, чтобы ты поняла: мы в равной степени и то и другое. Мы не люди, которые обращаются в животных, мы обе эти формы одновременно, поровну. В древности многие хеску проводили больше времени в своем животном обличье — времена были суровые, и защитить свою жизнь с помощью когтей и зубов было проще, чем с помощью палки в руке. Кстати, именно из древности к нам пришло таэбу — в истинном облике мы не способны к звуковой речи, а общение необходимо. Выбирать один из двух обликов и оставаться в нем — так же естественно, как решать, что ты хочешь на завтрак.

Лилиан подалась вперед, впившись в деда цепким взглядом, ее любопытство ввинчивалось ему в висок. Тиор вздохнул: чем быстрее она научится контролировать таэбу, тем лучше, а не то ему обеспечена головная боль.

— Двенадцать кланов образуют три племени: летящие — те, у кого есть крылья; охотящиеся — те, кто питается чужой смертью; и бегущие — те, кто не приемлет чужой крови. У нас нет единоличного правителя, потому что наше общество достаточно многочисленно, хоть и не настолько, как человечество, и порой нам сложно найти общий язык, ведь все мы разные. Тогда вступает Совет — высший орган власти, не относящийся ни к одному племени, который контролирует все стороны нашей жизни, помогая нам сохранять хладнокровие и принимать верные

решения. В каждом клане есть Высокий — то есть правящий — Дом, во главе которого стоит Владыка, и вассальные семьи: Старшие — аристократия и Младшие — простой народ.

Тиор набрал было воздуха, чтобы продолжить объяснение, но наткнулся на осоловелый взгляд Лилиан и улыбнулся:

— Запомни пока это, уже будет хорошо.

Они просидели в библиотеке достаточно долго, и солнце сместилось ближе к горизонту, отражая на полу их длинные тени. Лилиан зевнула, прикрыв рот ладошкой.

— Иди отдохни, у тебя был трудный день, — Тиор коснулся ее плеча, вставая, — а вечером, если захочешь, продолжим.

Ощутив под пальцами скользкую синтетическую ткань, он поморщился. На внучке все еще была одежда внешнего мира, смотревшаяся здесь чуждо, а, учитывая произошедшие с Лилиан перемены, еще и смехотворно по-детски.

Она уже развернулась к двери, когда Тиор окликнул ее:

— Ты не будешь против, если я пришлю тебе более подходящий наряд?

Лилиан нахмурилась и оглядела себя: ботинки из искусственной кожи с нелепыми бабочками, потертые джинсы, лонгслив с ярким принтом персонажа мультфильма... В окружении этих стен, этой мебели, всего этого места она и правда смотрелась странно. На мгновение замешкавшись, девочка кивнула.

В холле (Лилиан с сомнением воззрилась на паркет, которого вчера здесь тоже не заметила) они пошли в разные стороны: Лилиан не терпелось рухнуть в кровать, а Тиору нужно было дать поручения слугам. Уже начав подниматься по лестнице, Лилиан остановилась и оглянулась на деда: очевидный вопрос, почти похороненный под обилием

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

